

Нечаева М. Ю. «Послужные списки» монахов: история возникновения и информационные границы / М. Ю. Нечаева // Научный диалог. — 2015. — № 11 (47). — С. 163—180.

УДК 322:27-788(470)“18/20”

«Послужные списки» монахов: история возникновения и информационные границы*

© **Нечаева Марина Юрьевна (2015)**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора методологии и историографии, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), atlasch@narod.ru.

Рассматривается происхождение и информационная структура ведомостей о монашествующих в контексте проведения церковных реформ синодального периода. На основе анализа законодательных актов и материалов монастырского делопроизводства 20—30-х гг. XVIII века показано, что правила Духовного Регламента относительно монашеского пострига противоречили сложившейся в монастырях практике формирования состава насельников, их соблюдение должно было привести к резкому сокращению численности монашеских общин. Отмечается, что добиться соблюдения всех норм пострига удалось только после проведения в 30-е гг. XVIII века широкомасштабных расследований о постриженных из «неуказных чинов» по всем православным монастырям России на основе ведомостей о монашествующих, составленных в 1722 и 1732 гг. Автор считает, что организация системы отчетности о монашествующих является примером эффективной реализации политического решения в реалиях России XVIII века. Проведенный анализ ведомостей о монашествующих показывает, что при внешнем сходстве этого источника с формулярными списками, которые составлялись для служащих в органах государственной власти,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00191.

цели их введения были принципиально иные, а сами ведомости на протяжении всего XVIII в. фиксировали не всех насельников монастырей, а только монахов. Подчеркивается, что это необходимо учитывать при анализе динамики численности и состава монашеских общин в более широком хронологическом диапазоне, а также при проведении просопографических исследований монастыря синодального периода.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; монашество; секуляризация; церковь и государство; формулярные списки; послужные списки; ведомости о монашествующих; просопография.

1. К типологии источника

Изучение социального состава и повседневной жизни православных монастырей России в последнее время стало одной из популярных тем исторических исследований [Андрианов, 2011; Балашова, 2007; Зырянов, 2002; Запальский, 2009; Евфимия (Пашенко Е. В., монахиня), 2007; Стикина, 2007]. Большинство таких работ, выполненных на материалах различных регионов России, ограничивается рамками второй половины XIX — начала XX вв., реже — с начала XIX века, поскольку именно за этот период лучше всего сохранился массив ведомостей о монашествующих и послушниках, регулярно составлявшихся во всех монастырях и монашеских общинах, а на нем прежде всего и строятся исследования. Однако, как ни странно, должного анализа источника до сих пор так и не дано, он по умолчанию считается достоверным для изучения всего состава монашеских социумов.

Во многих работах ведомости называют «послужными списками», «формулярными списками». Эти названия встречаются и в самих документах, но, как правило, применительно к ведомостям о настоятелях, часто составляемых отдельно от ведомостей о братии, или в выписках из ведомостей относительно той или иной персоны, представляемой к церковным и светским наградам [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 2147. Л. 33-34; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 1-2; Д. 444]. В начале XX века уже бытовали и отпечатанные типографским способом формуляры ведомостей о всем наличном составе братии под названием «Послужной список о монашествующих и послушниках» [ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 719]. Такая терминология ставит дан-

ный вид источника в один ряд с формулярными списками, которые велись для служащих в государственном аппарате, по умолчанию объединяя и цели их введения — отслеживание карьеры, дававшей основание к повышению или понижению по службе, награждению и пенсионному обеспечению [Зайончковский, 1978, с. 9—14; Киселев и др., 1986, с. 6—31].

Детальный анализ ведомостей о монашествующих на всем протяжении их существования — с 1722 года — показывает, что цели введения данного вида документации были иные.

2. Первая перепись монахов

Составление ведомостей о монашествующих было предписано указом Синода от 21 мая 1722 года. Цель определялась весьма выразительно: *«Учинить формы подобно табелей, в которых бы всякое начальствующее лице содержащихся в монастыре ево всегда знать, а святейший Синод всех коеждо до монастыря обывателей как в зеркале видеть мог... А дабы во оных реэстрах не написано было какой во изъявленьи лет фалшивости, того ради в тех реэстрах лета оным написать при инквизитерах, которые тогда и самолично тех монахов и монахинь видеть и объявляемые ими лета по персонам признавать могли, а впредь монахом и монахиням из монастыря в монастырь отныне не переходить и влаstem их без указу не отпущать и приходящих не принимать под страхом жестокого штрафования»* [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 4]. Строгие требования неперменного учета всех монашествующих содержались и в сопроводительных указах архиереев по своим епархиям. Так, из Тобольского архиерейского дома во все монастыри епархии сразу же по получении форм, в сентябре 1722 года, был разослан указ настоятелям, требующий: *«А о переписи монахов и монахинь в <...> монастыре действовать тебе самому и с крайним радением и усмотрением, чтоб каждый монах и монахиня были описаны, как о том показано в последующей с присланной об них из Святейшего Синода образцовой формы копии, и ни един пропущен в записке не был, но которые живут вне монастыря по заимкам и [в] дворцах и пашнях, и в другой отлучности, все до единого был переписан и очищен по означенной форме как зеркало»* [Там же. Л. 10].

Итак, открыто объявленная цель составления ведомостей — искоренение самовольных переходов монашествующих в другие обители. Именно этим можно объяснить наличие в предписанном формуляре таких рубрик, как имя и возраст монаха, социальное происхождение и семейный статус насельников (*«из каких светских чинов мужеские персоны в монашество пришли, а монахи[ни] какова звания в мире мужей или отцев имели»*), время поступления в данный монастырь. Этим может объясняться и требование личного присутствия при проведении переписи инквизитора.

Борьба с «волочащимися» монахами, действительно, в идеологии петровских преобразований монастырской жизни считалась весьма важным пунктом. Неслучайно в изданном также в мае 1722 года «Прибавлении о правилах причта церковного и чина монашеского» — неотъемлемой части Духовного Регламента, являвшегося краеугольным камнем всех церковных преобразований в России синодального периода, — подробно прописываются меры борьбы с этим злом:

30. Монахом из монастыря в монастырь преходити, разве благословных вин, и то с отпуском настоятелей, на письме являемом, всеконечно, не попускати по завещанию Святых Отец: понеже послушание, терпение же и смирение против обещания весьма от сего искоренишася, и всякое неистовство и злообразие прият великую силу. Понеже мнози от сего непосвященни, священная действуют, отлученнии своими Архиереи и духовными отцы, паки без разрешения действуют же; мнози же непострижени, в монашеский образ облекшеся, ходят. От сих вся злая на соблазн многим бывают, и всякому монастырскому благообразию и церковному благочинию и монашескому благоговению весьма на поругание.

31. Монахом во грады и веси, кроме общия потребности, не исходити из монастыря. Исходить же на сие определенным по общему избранию, и за нуждою не без подорожной, от настоятеля данной.

32. А в другую епархию и в Царствующий Град посылаемым монахом, коей либо нужды ради, не довольно имети от своего настоятеля подорожную, но должен имети и от своего Епископа подорожную. А где монах явится без подорожной, такового ловити и отсылати к Епископу места того, где явится; а в Царствующем Граде отсылати таковых в Святейший Правительствующий Синод; а во

лочащихся монахов ловить учрежденным от Правительствующего Синода и гражданским <...>

39. Буде случится нужное дело в Царствующий Град, монахиам просити Архиеереа своего, дабы писал о том в Святейший Правительствующий Синод, а их бы не отпускал.

40. Монахиам в мирских домех не жити, ниже по миру скитатися ни для какой потребности. Изъемлетя от сего фамилия Царскаго Величества [ПСЗ-1. Т. VI. № 4022].

К указу о составлении реестров была приложена и форма для такой переписи (табл. 1) [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 4 об.-5].

Однако для борьбы с «волочащимися» монахами спектр запрашиваемой информации был явно избыточен: для этого вряд ли была полезна информация о послушаниях и рукоделиях.

Формулировка *«очищен по означенной форме как зеркало»* появилась в указе о составлении реестров неслучайно. В Прибавлении к Духовному Регламенту есть аналогичная формулировка: *«Чин науначе монашеский, который в древняя времена был всему Христианству аки зеркало и образ покаяния и исправления, во времена сия во многая безчиния развратился»* [ПСЗ-1. Т. VI. № 4022]. В контексте изложенных в документе правил к исправлению «бесчиний» логичной становится и эта кажущаяся избыточность: *«Весьма монахом праздным быти да не попускают настоятели, избирая всегда дело некое. А добре бы в монастырях завести художества: на пример, дело столярное и иконное и прочее, что не противно монашеству; а монахиам пряжу, шитье, и плетения кружев и прочего»* (п. 18).

Дополнительный смысл приобретают и остальные социально-демографические характеристики. Прибавление к Духовному Регламенту запрещало принимать постриг мужчинам ранее 30 лет, вдовам ранее 60, а девицам — ранее 50 лет, причем особо требовало от настоятелей не принимать в монастырь детей, которых их родители *«обещавают в монахи, а потом возрастных увещевают или и понуждают стрицися в монашество, вспоминая им обещание свое»* (п. 1, 9, 42, 43). Обязательной нормой был трехлетний искус перед постригом: *«Ибо истиннии трудолюбцы трилетняго искушения не отрекутся, а лжеобещанники не стерпят; и того ради монашества не получают»* (п. 11).

Таблица 1

Формуляр ведомости о монашествующих 1722 г.

Имяна	Фамилия или прозвание	Из какой чины и которого города	Лета			Восприятие монашества	Дело послушания	В какие рукоделия
			От рождения	От рождения	Пребывание			
Мирское	Монашеское							
Роман	Кутузов	Из стол-ников Мо-сквитин	60	20	20	В Троиц-ком	Келарь	
Василей	Нечаев	Из купече-ства ново-городец	67	25	24	В Ху-тынском	Казначей	
Феодор	Филарет	Из подь-ячих карго-полец	64	30	30	В Кру-тицком	Крыло-шанин	Компо-зитор пения
			Монахинь					
Мария	Милоф-рофия	Солов-цова жена	69	25	23	В Возне-сенском	Келарь	Златош-вение

Обязательным становилось получение официальных документов, подтверждающих освобождение желающего принять монашество от социальных обязательств:

— запрещено было принимать воинов, если не представят увольнительных документов, *«яве бо есть, что тот не с намерением монашества приходит, но и грешит вельми, бегая от службы своя»* (п. 2);

— запрещено принимать *«чуждаго крестьянина»* без отпускного письма от своего помещика, и то после тщательной проверки, а неграмотных крестьян и с отпускными свидетельствами постригать только по императорскому указу и синодальному определению (п. 3);

— запрещено принимать *«мужа, жену живу имущаго»*, разве что по обоюдному согласию принять постриг, но и тогда жене должно быть не меньше 50 лет, а также следовало учесть *«имеют ли дети, и как их оставляют»* (п. 4 и 5);

— запрещено принимать приказных людей всех ведомств без отпускных писем от их начальства (п. 8).

Понятной становится и рубрика реестра *«из какова чина и которого города»*: Прибавление требовало *«смотреть прилежно»*, не обременен ли поступающий в монастырь долгами, не находится ли под судом, ибо *«таковии бо не каятися, но спрятачися ищут, и великую беду на монастырь наволакивают»*. Поэтому было запрещено принимать в монахи человека из иной епархии *«и людем честным неизвестного»* (п. 7).

По получении указа от 21 мая 1722 года в монастырях приступили к составлению ведомостей. Так, в Далматовский Успенский монастырь указ из Тобольского архиерейского приказа переслали 10 сентября, а уже 9 октября монастырь отправил реестр монашествующих Далматовских Успенского мужского и Введенского женского в Тобольск (там его получили и зарегистрировали 1 февраля 1723 г.) [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 6]. Предписанная в 1722 году Синодом форма была озаглавлена *«Реэстр обретающихся в ... городе [или уезде или протчем каком месте] монастыря монахом с показанием коемуждо имени и лет и протчего к ведению потребного»* [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 4-5]. Составленные в Далматове реестры полностью соответствовали предписанной форме, но сохра-

нились только в копии 1735 года, где получили дополнительное название «Книга первой переписи монахам» [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 1]. Впоследствии такие документы назывались *табелями*, *именными книгами*, но чаще всего *ведомостями о монашествующих*.

Ведомости было предписано составлять в двух экземплярах: один должен был остаться в монастыре (этот экземпляр имеется, например, в фонде Далматовского Успенского монастыря [Там же, л. 1-10 об.]), второй отправлялся в Синод через архиерейский приказ. Вероятно, в некоторых епархиях перед отправкой в Синод составляли копию и для себя, так, например, сохранился комплекс ведомостей по всем монастырям епархии в фонде Вятской духовной консистории [ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Ед. хр. 6]. Эти реестры были составлены в текстовой нетабличной форме, хотя и по всем содержательным параметрам. По монастырям Вятской епархии формы были разосланы из архиерейского приказа только в декабре 1724 года, таким образом, можно говорить о том, что процесс составления ведомостей по всем епархиям растянулся на достаточно продолжительное время.

В фонде канцелярии Синода в настоящее время массив этих ведомостей — а это действительно ПЕРВАЯ перепись монашествующих по всей России — не обнаружен, хотя указ предписывал отправлять их именно туда.

Введение этой переписи мыслилось как разовая акция. Переписи подлежали только монашествующие, поскольку, как явствует из вышесказанного, целью ее проведения был сбор информации о соответствии монашествующих социальным и возрастным ограничениям на постриг, одновременно вводимым Прибавлением к Духовному Регламенту. Конечно, закон обратной силы не имел, и те монашествующие, которые уже жили в монастырях, но не соответствовали вновь вводимым ограничениям, никаким санкциям не подлежали.

Анализ данных по Далматовским монастырям показывает, что несоответствие новым нормам наличного состава братии и сестричества было велико. Так, из крестьянства и служилых людей — тех категорий, которым сложнее всего было получить увольнительные документы, — было 79 % монахов (из монахинь 52 % были крестьянками). По возрастному цензу тоже были значительные нестыковки: 17 % монахов приняли постриг до разрешенных 30 лет, а среди мо-

нахинь постриг ранее 50 лет приняли 72 % [ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 1-10 об.]. Таким образом, данные первой переписи монашествующих показывают, что нормы Духовного Регламента — базового документа церковной политики всего синодального периода — резко контрастировали со сложившейся практикой формирования состава монашеских общин и при последовательном их применении привели бы к кардинальному сокращению численности монашествующих. Ситуацию еще более усугубил именной указ от 28 января 1723 года, запрещавший впредь до указа постриг в монашество всех, кого бы то ни было (в 1724 году разрешен был постриг отставных военных, а в 1725 году — постриг вдового духовенства на убылые места в монастырях при соблюдении условий Духовного Регламента) [ПСПиР. Т. VI. С. 71, 90, 357; ПСЗ-1. Т. VII. № 4151, 4190, 4672; Т. VIII. № 5435]. Запрет 1723 года на постриг правительство отменило только в 1761 году, в период активной подготовки секуляризационной реформы 60-х гг. [ПСЗ-1. Т. XV. № 11332, 11441, 11481].

Указ от 28 января 1723 года не только запрещал постриг впредь, но и предписывал *«учинить ведомости в самой скорости, колико ныне в тех монастырях в мужеских — монахов, а в девичьих монахинь обретаются... а сколько из обретающагося ныне числа оных монахов и монахинь будет убывать, о том в Синод репортовать во всемесячно»* [ПСПиР. Т. III. С. 30—31; ПСЗ-1. Т. VII. № 4151]. Этот тип ведомостей нами в сохранившихся архивных фондах не найден, вероятно, речь шла о сводных данных. Далеко не все предписания властей, как светских, так и церковных, исполнялись (и не только в монастырях — российская традиция имела повсеместное распространение [Нечаева, 1998]), так что, возможно, «вовсемесячных рапортов» из монастырей (или части из них) и не было.

3. Ведомости как инструмент реформ

Об именных ведомостях власти снова вспомнили через 10 лет — опять же в заботах «о исправлении монашества Российского». 9 сентября 1732 г. последовал указ Синода [ПСЗ-1. Т. VIII. № 6177; ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 155. Л. 14-33 об.], преамбула которого горестно констатировала, что изменения нравов не произошло: *«Видя как многие монахи, презрев и не помянув должности чина своего, не токмо*

внутри монастырей не весьма исправны, и не как во время пострижения обещались, пребывают, но из монастырей самовольно исходя (что и самая есть продерзость непростительная) и по разным местам без потребы скитаяся, безчинного жития образ произносят, и которые должны суть всякими добродетельми не лицемерно украшать себя к созиданию церкви, тии злообразием дел своих подают соблазн к развращению, и ни мало не помышляют, что чрез них хулится имя Божие, сия яко явное душевредие видя, и о истреблении того, ревностное возымели попечение, как бы лучше и удобнее чин монашеский от такового стропотного безпутия отвести, и на путь прямой, которым они шествовать обещались; наставить. Но понеже довольно о том имеют они, если бы только знать похотели, наставления... Того ради Святейший Синод не судили за благо еще вновь некие о том правила предавать, понеже сверх именованных, было бы все лишнее, но токмо великую нужду усмотрели, что к исполнению вышепомянутых правил... нечто надлежит полезное и потребное уставить». И первойшей из этих «полезных и потребных мер» Синод предписал всем настоятелям монастыре иметь «нарочные всякому книги», в которых вписывать всех монашествующих. Информационная структура книг устанавливалась следующая: «*имя, прозвание, место, и время рождения [от] родителей, чин мирский до монашества, искусство книжное и прочее, место и время пострижения и принятия иеромонашеского и иеродиаконского чина, и от кого пострижен и в чин церковный поставлен, и имеет ли о том ставленную грамоту*». В целом эта структура повторяла формуляр 1722 года, лишь несколько конкретизируя его (относительно принятия иеромонашеского и иеродиаконского чина, а также указания персон, совершивших постриг и поставление в церковный чин). Совершенно новой статьей было только «искусство книжное», под которым подразумевалась грамотность — требуемая еще Духовным Регламентом от всех крестьян, желавших принять постриг. Регламент предписывал особое внимание к обучению монахов в обителях: «*По всем монастырям монахов учить подобает, не точию да читают писания, но да и разумеют. А на сие учинить собственно келлию, и монахов приставить на сие избранных, иже знают Божественнаго Писания разум: и тако обученных да избирают достойных в чин священства и всякого начальства*» (п. 35).

Впрочем, грамотность монашествующих воспринималась авторами Духовного Регламента двояко: сие и благо, и искушение. Поэтому монахам категорически запрещалось что-либо писать в своих кельях без ведения настоятеля *«под жестоким на теле наказанием»* и даже было велено не держать бумаги и чернил, *«понеже ничто так монашеского безмолвия не разоряет, как суетные их и тщетные письма»*: *«А ежели которому брату случится настоящая письма потреба, и тому писать в трапезе из общей чернильницы и на бумаге общей, за собственным настоятеля своего позволением, а самовольно того не дерзать под жестоким наказанием»* [ПСЗ-1. Т. VI. № 4022].

Указ от 9 сентября 1732 года подробно описывал, что в нарочных книгах надо оставлять «довольное число» пустых листов, дабы вести их впредь; книги требовалось шнуровать, заверять монастырской печатью и собственноручными расписками настоятеля и старшей братии, и *«иметь книги оныя в крепком хранении»*. Таким образом, поручителями достоверности документов становилась вся старшая братия во главе с настоятелем. На основании книг ежегодно требовалось составлять три экземпляра «перечных табелей» по образцу реестров 1722 года, одна из которых должна была оставаться в монастыре, а две другие отправлялись в епархиальное управление (одна из них — для Синода). Все они также скреплялись подписями старшей братии и настоятеля, монастырской печатью, а синодальный экземпляр должен был подписать еще и епархиальный архиерей. В ставропигиальных монастырях следовало составлять 2 экземпляра реестра: один для себя, другой для Синода.

Нарочные книги 1732 года должны были зафиксировать наличный состав монашествующих каждой обители: в них полагалось внести всех монахов, кроме имеющих «правильные» паспорта, подтверждающие легальность их отлучки из другого монастыря. В книгах требовалось фиксировать информацию о смерти монашествующих, о принятии пострига (с ежегодной отправкой соответствующих реестров епархиальному архиерею, а тому — в Синод). Отдельными реестрами должны были поименовываться беглые монахи, с подробным описанием примет, на основании которых сначала епархиальный архиерей объявлял их в розыск по епархии, а в случае неудачи — пересылал в Синод, для составления списков на поимку беглых мо-

нахов по всей России. Указ подробно описывал процедуру легального перевода монаха в другую обитель, выдачу паспортов инокам, отправленным по делам (впрочем, отпускать монаха за пределы обители можно было только по острой необходимости). Сохранившиеся комплексы монастырского делопроизводства с 30-х гг. XVIII века показывают, что эти предписания действительно стали выполняться, хотя случаи бегства монахов бывали.

Перечные табеля также сохранились в монастырском делопроизводстве, а вот нарочных книг обнаружить в архивах нам не удалось, даже упоминаний о их существовании. В отличие от табелей, книги должны были оставаться в монастыре, и никаких мер контроля со стороны внешних инстанций за их составлением предусмотрено не было, а внутренней потребности в такой документации монастырские настоятели не видели. Вероятно, нарочные книги в практике делопроизводства не прижились, их роль исполняли те экземпляры табелей, которые оставались в монастырях. Впоследствии церковные и светские власти не напоминали обителям о необходимости ведения нарочных книг, а вот ежегодные реестры требовали исправно. В условиях начавшегося резкого сокращения численности монашествующих из-за запретов и ограничений на постриг особой надобности в ведении нарочных книг и не было: и так скоро все стали на пересчет в каждом монастыре.

Внося в табели 1732 года всех наличных монашествующих, настоятели вряд ли подозревали, сколь грозным оружием против монастырей они могут стать: никаких угроз на этот счет указ от 9 сентября не содержал. Зато Феофан Прокопович, бывший идеологом и Духовного Регламента, и в целом петровской политики в отношении монашества, сразу воспользовался этой информацией: теперь на руках была информация и о составе монашествующих в 1722 году, на время введения ограничений на постриг, и текущая, на 1732 год. Б. В. Титлинов, автор самого полного до настоящего времени исследования церковной политики времен императрицы Анны Иоанновны, считал именно его инициатором следствий, начатых по всей стране о постриженных из неуказных чинов. Именно Феофан объявил 28 января 1733 года Синоду, что накануне императрица именным указом повелела *«прилежно везде испытать, кроме тех чинов людей, каковых*

указами блаженный памяти их императорских величеств велено, не постригали ли где в монахи и в монахини без указа» [Титлинов, 1905, с. 282—283; Чистович, 1868, с. 516].

Следствия велись по всей стране, несколько лет, выявили массовые, практически повсеместные нарушения [Титлинов, 1905, с. 282—304; РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Ед. хр. 350]. Из монастырей затребовали копии реестров 1722 года, сопоставили их с данными 1732 года, составили списки вновь постриженных и всех допросили о наличии увольнительных документов (каковые оказались весьма у немногих), времени, месте пострига и тех лицах, которые его совершили. Затем настала пора объяснений со стороны настоятелей, совершивших постриг, и наложение на них крупных штрафов. Монахов из «неуказных чинов» подвергли тщательному разбору, некоторых оставили в монашеском статусе, остальных расстригли и отправили по местам прежнего жительства. Следствие длилось несколько лет и по своим масштабам не имело аналогов в истории православной церкви в России. Жесткость наказания навсегда отбила охоту у настоятелей совершать постриг в обход законов. Наложенная ежегодная отчетность перед Синодом (в определенные периоды становившаяся еще более частой — по полугодиям и третям года) связала в единую цепь ответственности за постриг монастырских настоятелей и епархиальных архиереев и обеспечила соблюдение указных ограничений на практике.

К сожалению, в архиве Синода ведомости о монашествующих не сохранились. Время и обстоятельства этой утраты неизвестны. Можно предположить, что по мере увеличения архива и недостаточности площадей они были уничтожены как утратившие актуальность. Возможно, это происходило неоднократно, по мере накопления ведомостей, еще с XVIII века [Крылов, 2014; Здравомыслов, 1906]. Поэтому массив таких источников ныне можно искать только в фондах духовных консисторий и монастырей.

Впоследствии (уже после секуляризации 1764 года) формуляр ведомостей о монашествующих несколько раз модифицировался, каждый раз отражая проекты и ход монастырских реформ. Но основные информационные параметры оставались теми же, какие были сформулированы к 1732 году.

4. Заключение

Проведенный анализ показывает, что ведомости о монашестве-ующих возникли не из внутренних потребностей монастырей фиксировать социальные, возрастные характеристики насельников, их способности к послушаниям, а в ходе реализации реформы монастырской жизни, проводимой центральными светскими и церковными властями. Поэтому они отражали лишь некоторые сегменты монастырского сообщества, подлежащие реформированию. Вплоть до начала XIX века в них фиксировались только монашествующие. Это важно учитывать при анализе динамики численности и социо-демографических характеристик монастырских социумов на протяжении всего синодального периода: если ведомости XIX — начала XX веков отражали весь состав насельников (монашествующих и послушников), то в XVIII веке — лишь их часть (монахов).

Сугубо бюрократическое, навязанное свыше монастырям происхождение этого вида документов ограничивает информационные ресурсы источника для изучения внутреннего строя жизни монастырских сообществ. Даже характеристики способностей насельников и их качеств, которые стали приводиться в XIX — начале XX вв., были очень формальны и стандартны, редко приоткрывая духовный уровень и иноческие старания насельников. Как бы ни хотелось историкам глубже изучить внутреннюю, духовную жизнь монастырей, в их распоряжении в основном делопроизводство, рисующее не столько внутренний, сколько внешний быт обитателей.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКО — *Государственный архив Кировской области*.
Ф. 237. Оп. 81. Ед. хр. 6.
2. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*.
Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 440.
Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 444.
Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 719.
3. ГАШ — *Государственный архив Шадринска*.
Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 69.
Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 76.
Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 155.
Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 176.

- Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 2147.
4. ПСЗ-1 — *Полное собрание законов Российской империи* : собрание
I. Санкт-Петербург, 1830. Т. VI, VII, VIII, XV.
5. ПСПиР — *Полное собрание постановлений и распоряжений по ве-
домству православного вероисповедания*. Санкт-Петербург, 1879—1912.
Т. III, VI.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*
Ф. 796. Оп. 15. Ед. хр. 350.

Литература

1. *Андреанов А. Ю.* Причины и обстоятельства ухода в мужские право-
славные монастыри в России XIX — начала XXI веков / А. Ю. Андреанов. —
Владимир : Транзит-Икс, 2011. — 173 с.
2. *Балашова Т. В.* Братия монастырей Москвы во второй половине XIX
— начале XX вв. / Т. В. Балашова // Научные ведомости Белгородского го-
сударственного университета. Серия: История. Политология. Экономика.
Информатика. — 2007. — № 3 (34). — Т. 2. — С. 96—102.
3. *Евфимия (Пашенко Е. В., монахиня).* Очерки из жизни православных
северных женских монастырей середины XIX — начала XX вв. / Мона-
хиня Евфимия (Пашенко). — Архангельск : Православный издательский
центр, 2007. — 277 с.
4. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной Рос-
сии в XIX веке / П. П. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с.
5. *Запальский Г. М.* Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825—
1917 годах / Г. М. Запальский. — Москва : Рукописные памятники Древней
Руси, 2009. — 413 с.
6. *Здравомыслов К. Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и кон-
систерские архивы / К. Я. Здравомыслов. — Санкт-Петербург : Синодаль-
ная типография, 1906. — 61 с.
7. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале
XX века / П. Н. Зырянов. — Москва : Вербум-М, 2002. — 319 с.
8. *Киселев И. Н.* О чем рассказали формулярные списки / И. Н. Кисе-
лев, С. В. Мироненко // Число и мысль : сборник. — Вып. 9.— Москва :
Знание, 1986. — С. 6—31.
9. *Крылов Н. С.* Из истории синодального архива в XVIII в. / Н. С. Кры-
лов // Отечественные архивы. — 2014. — № 4. — С. 3—11.
10. *Нечаева М. Ю.* Монастыри и власти : управление обителями Вос-
точного Урала в XVIII в. / М. Ю. Нечаева. — Екатеринбург : УрО РАН,
1998. — 218 с.

11. *Стикина Н. В.* Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX — первой четверти XX вв. : на материалах Вологодской епархии : диссертация ... кандидата исторических наук / Н. В. Стикина. — Вологда, 2007. — 276 с.

12. *Титлинов Б. В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной Церкви / Б. В. Титлинов. — Вильна : Русский Почин, 1905. — 466 с.

13. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время / И. А. Чистович. — Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1868. — 752 с.

“Service Records” of Monks: History and Informational Borders

© **Nechayeva Marina Yuryevna (2015)**, PhD in History, senior research scientist, Sector of Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), atlasch@narod.ru.

The origin and information structure of the statements about the monks in the context of church reforms of synodal period are considered. Based on the analysis of legislation and documentation on monastery of 1820—1830 it is shown that the rules regarding the Spiritual Order of ordination contradict the practice of forming of brethren membership existing in monasteries. Keeping the rules would lead to a sharp reduction in the number of monastic communities. It is noted that keeping the rules of ordination was obtained only after large-scale investigations of going into convent from “non-stated ranks” in 1830-ies in all of the Russia Orthodox monasteries on the basis of statements about the monks, made in 1722 and 1732. The author believes that organization of monasticism reporting system is an example of effective realization of a political solution in the realities of Russia of XVIII century. The analysis of the statements about the monks shows that despite the resemblance of this source to the formulary list established for employees in public authorities, the purpose of their introduction was fundamentally different, and the statements throughout the XVIII century did not fix all the inhabitants of monasteries, but monks only. It is stressed

that this must be considered when analysing the dynamics of the number and membership in monastic communities in the wider chronological range, as well as during prosopographic investigations of the monasticism of synodal period.

Key words: Russian Orthodox Church; monasticism; secularization; church and state; official lists; service records; statements about the monks; prosopography.

References

- Andrianov, A. Yu. 2011. *Prichiny i obstoyatelstva ukhoda v muzhskiy pravoslavnyye monastyri v Rossii XIX — nachala XXI vekov*. Vladimir: Tranzit-Iks. 173. (In Russ.).
- Balashova, T. V. 2007. Bratiya monastyrey Moskvy vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 3 (34)/2: 96—102. (In Russ.).
- Chistovich, I. A. 1868. *Feofan Prokopovich i ego vremya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 752. (In Russ.).
- Evfimiya (Pashchenko, E. V., monakhinya). 2007. *Ocherki iz zhizni pravoslavnykh severnykh zhenskikh monastyrey serediny XIX — nachala XX*. Arkhangel'sk: Pravoslavnyy izdatelskiy tsentr. 277. (In Russ.).
- Kiselev, I. N., Mironenko, S. V. 1986. O chem rasskazali formulyarnyye spiski. *Chislo i mysl'*, 9: 6—31. (In Russ.).
- Krylov, N. S. 2014. Iz istorii sinodalnogo arkhiva v XVIII v. *Otechestvennyye arkhivy*, 4: 3—11. (In Russ.).
- Nechaeva, M. Yu. 1998. *Monastyri i vlasti: upravleniye obitelyami Vostochnogo Urala v XVIII v*. Ekaterinburg: UrO RAN. 218. (In Russ.).
- Stikina, N. V. 2007. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo pravoslavnogo monastyrya vo vtoroy polovine XIX — pervoy chetverti XX vv.: na materialakh Vologodskoy eparkhii* : dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Vologda. 276. (In Russ.).
- Titlinov, B. V. 1905. *Pravitelstvo imperatritsy Anny Ioannovny v ego otnosheniyakh k delam Pravoslavnoy Tserkvi*. — Vil'na : Russkiy Pochin. 466. (In Russ.).
- Zayonchkovskiy, P. A. *Pravitelstvennyy apparat samodержавной России v XIX veke*. Moskva: Mysl', 1978. 288. (In Russ.).
- Zapalskiy, G. M. 2009. *Optina pustyn' i ee vospitanniki v 1825—1917 godakh*. Moskva: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. 413. (In Russ.).

- Zdravomyslov, K. Ya. 1906. *Arkhiv i biblioteka Svyateyshego Sinoda i konsistorskiye arkhivy*. Sankt-Peterburg: Sinodalnaya tipografiya. 61. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. 2002. *Ruskiye monastyri i monashество v XIX i nachale XX veka*. Moskva: Verbum-M. 319. (In Russ.).